

ВТОРОЙ ЛИСТЪ ГАЗЕТЫ

ОДЕСССКІЯ НОВОСТИ

№ 4370.

Суббота, 15го Августа, 1898 г

№ 4370.

Царь-Освободитель Императоръ Александръ II.

Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Памятникъ Императору Александру II въ Москвѣ.—Лицевая сторона памятника; видъ отъ Чудова монастыря.

отъ нихъ дремала въ креслахъ уже съ-
дая, но еще изящная и элегантная дама.
Море было безмятежно, волнами вѣ-
тромъ. Темнозеленныя волны съ шумомъ
разбивались о молы, а цѣпа на ихъ хреб-
тахъ казалась багровою въ лучахъ заходя-
щаго солнца.

Молодая женщина развѣсно смотрѣла
на волны, а брови ея ежминутно гнѣвно
морщились.

какъ бы отвѣчая на собственныя размышле-
нія, продолжать говорить еще брабѣ ти-
химъ голосомъ:

— Никто не замѣтитъ этого... Мы съ-
ли бы въ лодку на рыбацкѣй пристани,
гдѣ по ветрамъ итъ никого. Матери на-
шей вы тоже можете очень легко объяснить
эту вечернюю прогулку. Въ нашемъ огнѣ
житье ваша пріятельница г-жа Мюленъ,
который до сихъ поръ ваша мать лично не

Памятникъ Императору Александру II въ Москвѣ.—Задняя сторона памятника; видъ со стороны нижняго кремлевскаго сада.

— И такъ — итъ? рѣшительно итъ? —
шепталъ мужчина. — Я не понимаю васъ...
Вѣдь я требую отъ васъ сущій пустякъ;
за столько страданій, за мое чувство къ
вамъ — я прошу только одной, только ма-
ленькой милости... Умоляю васъ объ од-
номъ... проѣхать только одинъ разъ
въ лодкѣ вдвоемъ? Вѣдь это ничѣмъ не
грозитъ вамъ... Въ первую лунную ночь
поплыли бы мы себѣ въ сторону Велжліи.
Смотрите, какъ чудно рпеуются отсюда ея
берега!..

— Перестаньте, — отвѣчала нетерпѣ-
ливо женщина.

Мужчина на время умолкъ, но потомъ,

знаетъ. Г-жа Мюленъ уже два дня больна
и, по всей вѣроятности, не скоро по-
кинетъ постель; поэтому, я полагаю, что
ваша мать не будетъ въ претензіи, если
вы ей скажете, что, тронутая ея несча-
стьемъ, вы идете провѣдать больную...

Женщина гнѣвно вскочила со стула.

— Довольно... — сказала она. — Я убѣ-
дилась теперь, что вы за человекъ, и,
зная ваши достоинства, буду съ этой
минуты избѣгать васъ...

— А я, — возразилъ мужчина, по-
корно склоняя свою красивую голову... —
Я буду въ каждую лунную ночь ждать васъ
по вечерамъ на рыбацкѣй пристани...

— Мама, уже холодно... Пора
намъ идти наверхъ!

Старуха тяжело поднялась съ кре-
села и, опираясь на руку дочери,
ушла съ террасы, съ улыбки нив-
нувъ головой молодому человеку..

— О чемъ вы опять говорили
такъ долго? — спросила мать, войдя
въ занимаемое ими помѣщеніе.

— Какъ я всегда, обо всемъ
и ни о чемъ... — неохотно отвѣ-
чала молодая дама. — Какъ, мама,
вы думаете, скоро ли я получу
отъ Геориха отвѣтъ на мое послѣд-
нее письмо?..

Мать задумалась.

— Богъ знаетъ, дитя мое... Тебѣ
вѣдь извѣстенъ его характеръ! Нече-
го и говорить, — онъ чудакъ, но
сердце у него доброе, и я пред-
чувствую, что если бы ты напи-
сала къ нему честно, искренно, от-
кровенно — такъ, какъ подобаетъ пи-
сать жентъ къ мужу, то онъ пере-
станетъ дуться на тебя... Какъ бы
я желала, чтобы эти наши постоян-
ныя семейныя недоразумѣнія нако-
нецъ совершенно прекратились!

Молодая женщина долго сидѣла молча,
закрывъ лицо руками, изъ подъ ко-
торыхъ вырывались слезы.

— Если-бъ я могла хотя знать,
что онъ еще любитъ меня... что онъ
думаетъ обо мнѣ!.. — прошептала
она сдавленнымъ готъ волненья го-
лосомъ.

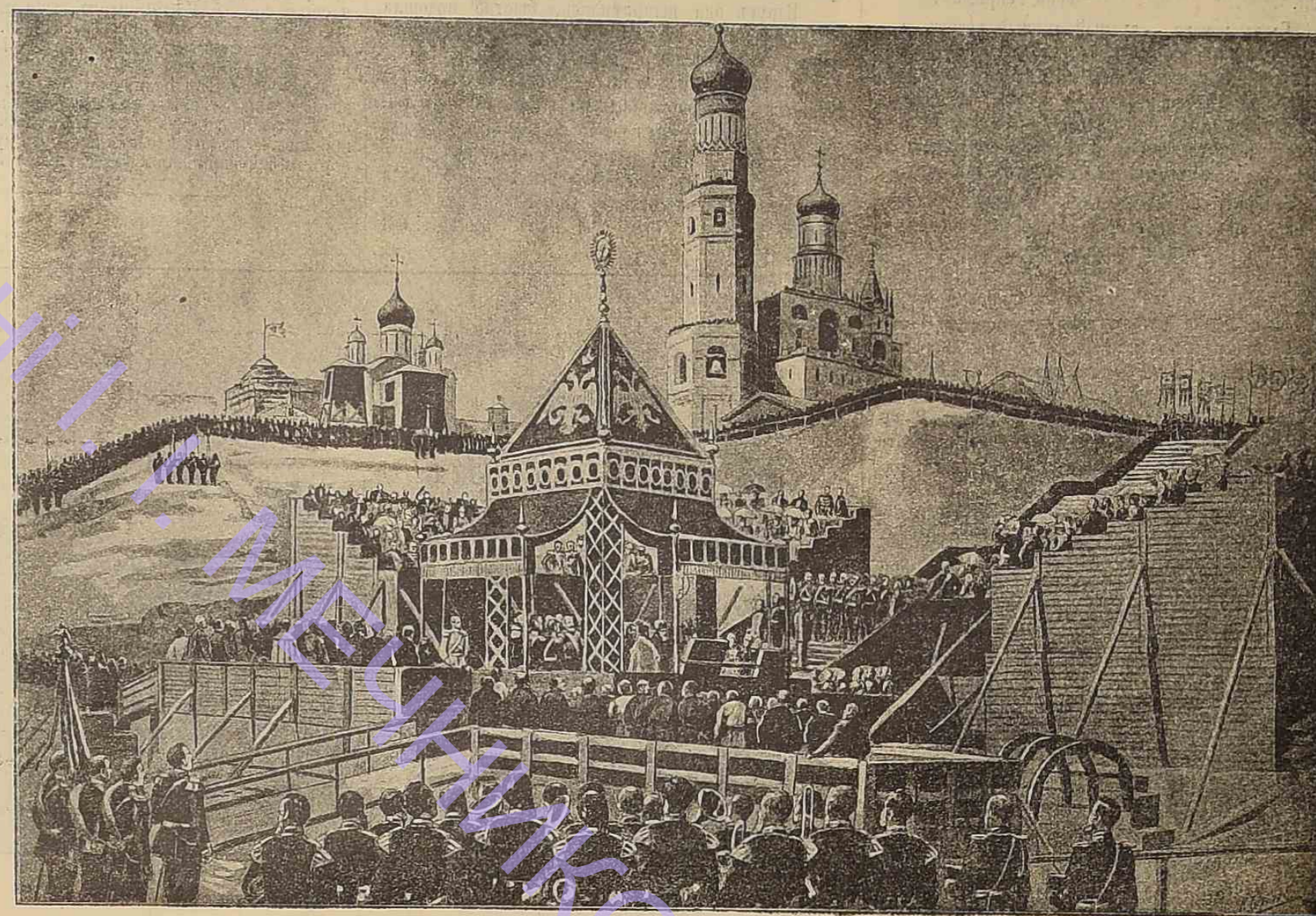
Медленно подошла она къ раскры-
тому окну. На затянутомъ тучами

Ея Императорское Высочество
Великая Княгиня Елена Павловна.

небѣ не видно было ни луны, ни
звѣздъ. Среди мрака, нависшаго надъ
вѣшными, дико шумящимъ мо-
ремъ, выдѣлялся только длинный,
криво изогнутый рядъ огней надъ
набережной, въ домахъ Волоски и
Ріеки. Вдали направо мерцали дѣвѣ
свѣтлая точка, — овна таверны, на
Велжліи; по временамъ онѣ сверкали
багровымъ блескомъ, будто страшные
глаза притаившагося въ темнотѣ чу-
довища, готоваго кинуться на жерт-
ву. Но молодая женщина отнеслась
безучастно къ растлающей предъ
ней картинѣ... Мысли ея летѣли ту-
да, на сѣверъ, полныя безащитности,
ожиданія и грусти... Принесетъ-ли ея
письмо желанный результатъ? От-
кроетъ ли оно наконецъ для нея серд-
це этого страннаго, непонятнаго чело-
вѣка, котораго она любила и бо-
ялась въ то же время? Скоро ли
окончатся эти безконечныя дни тя-
желыхъ сомнѣній, одиночества и тре-
вогъ?.. Столько уже недѣль прожила
она, томимая этой неуверенностью,
не замѣчая всего того, что проис-
ходило вокругъ нея, прислушиваясь
только къ порывамъ своего сердца...

Вдали, на морѣ, показался красивый
огонекъ и сталъ подходить все бли-
же и ближе. Это шелъ послѣдній
пароходъ изъ Ріеки. Кто знаетъ, мо-
жетъ быть онъ везетъ письмо отъ ея
мужа?..

Въ эту минуту она думала только
о мужѣ, а душа ея волновалась отъ
тяжелыхъ тревогъ, точно это море.

Закладна памятника Императору Александру II въ Москвѣ въ маѣ 1893 года.

безумно бьющееся теперь о скалы у подножья отела.

«Дорогая моя! Наконец-то ты написала ко мнѣ просто и искренне. А я так долго ждалъ этого! Не думай, чтобъ мнѣ не было тяжело, что я не страдалъ, благодаря тѣмъ недоразумѣніямъ, которыя въ послѣднее время произошли между нами... Ты вѣдь знаешь, какъ я скрытенъ, что я хорошо въ глубинѣ души моей все, — и что радуется, и что печалитъ меня. Твои искреннія слова все же успокоили меня и мнѣ теперь кажется, будто ошъ сорвали желѣзные окна съ груди моей. Долше я ужъ не въ силахъ молчать, долженъ быть откровеннымъ съ тобой... И какъ ты могла когда-либо сомнѣваться въ моихъ чувствахъ къ тебѣ... Только ты одна была всегда цѣлью моей жизни, продолжъ моихъ порывовъ, всѣхъ моихъ мыслей и стремлений... Я не умѣлъ тебѣ этого доказать; виною тому — моя природа... я всегда былъ и останусь чудачкомъ! Я слышу въ впечатлительнѣ, равно къ добру и злу, если оно идетъ отъ дорогого мнѣ человека. Твое милое письмо было причиной того, что я наконецъ очнулся. Письмо твое обновило меня, дало мнѣ новую силу. Мнѣ чудится, будто вдругъ все мое существо охвачено теперь обаяніемъ крыльевъ свѣжей, лучезарной весны... О, какъ бы я хотѣлъ быть какъ можно скорѣе возлѣ тебя и вымолить у тебя прощенье за все то, чѣмъ я огорчилъ тебя!.. Черезъ недѣлю, не позже — черезъ двѣ, какъ только позволитъ мнѣ дѣла, помысь къ тебѣ... Прошу тебя — вѣрь мнѣ... Я подчасъ бываю грубъ, даже холодею на видъ; тѣмъ болѣе ты поэтому не должна сомнѣваться во мнѣ и моихъ сердцахъ, потому что холодное желѣзо, покрывающее его, хранитъ всѣ чувства только для тебя; тебя одной! Съ нетерпѣніемъ жду встрѣчи съ тобой, а пока мысленно обнимаю тебя. Твой Генрихъ».

Былъ вечеръ, — чудный лунный вечеръ. Молодая женщина, высунувшись изъ окна, мечтательно глядѣла на море. Письмо отъ мужа, полученное ею два дня тому назадъ, въ первый мигъ наполнило ее безумной радостью, потомъ сознаниемъ собственного превосходства и силы и, наконецъ, тихимъ, свѣтлымъ спокойствіемъ.

Теперь ей было такъ хорошо! Полной грудью вдыхала она соленоватая испаренія моря, а взоры ея уходили далеко, —туда на край горизонта Исполнискій серебряный мѣсяцъ медленно плылъ по небосклону и широкой струей ллль свое сіяніе на полусонную морскую бездну, мерцавшую въ этой лавинѣ свѣта какииъ то страшнымъ, будто стеклянныиъ блескомъ; только вдоль побережья тинулся болѣе темный поясъ тѣней, отбрасываемыхъ деревьями и домами. На этой темной полосѣ блестяла будто искры, разбросанныя по водѣ, отраженія горящихъ по набережной огней. Направо, въ сторону Велдмаи, тоже сверкали двѣ большія свѣтлыя точки, а передъ ними, окутанныя серебристой мглой, дремали неясныя очертанія скалистого островка, который въ ту пору походилъ на гигантскую массу какого-то таинственнаго существа, вынырнувагшаго изъ воды и загадочно высматривающаго что-то въ тѣнѣливомъ спокойномъ ожиданіи.

Съ моря неслись теплыя, страстныя дуновения вѣтерка. Въ его дыханіи, въ воздухѣ, въ струяхъ луннаго сіянія, — всюду была разлита какая то таинственная сила, неземная мощь, уничтожавшая людскія существа своимъ величіемъ. Со стороны рыбацкй пристани неслись нѣжныя страстныя звуки мандолины, папѣваемой стройнымъ, звучнымъ мужскимъ голосомъ.

Стоявшая въ обнѣ дама вдыхала воздухъ

полной грудью и грезилъ. По страшной причинѣ она въ своихъ думкахъ и мечтахъ теперь вовсе не была занята особой своего мужа, за чувства котораго она такъ недавно еще оцасалась, томилась его отсутствіемъ и жаждою обладать имъ. Письмо мужа вполнѣ утѣрило ее, что ошъ принадлежать только ей одной, что ошъ не уйдетъ отъ нея, покоренный и побѣжденный!.. И съ этой минуты, съ момента ея успокоенія, ошъ сталъ въ ея воображеніи совершенно ничтожнымъ, разблелся, будто во мгнѣ, какъ и все то, въ обладаніи чего мы вполнѣ уверены, что мы уже разъ шлѣли побѣжденнымъ и брошеннымъ къ нашимъ ногамъ.

Чудная лунная ночь обаяла ее, охватывала страстными обаяніями обольстителя и разжигала ея воображеніе. Все чаще и чаще, все иснѣе предъ ней представало теперь въ ея грезяхъ смуглое красивое лицо мужчины, стройная, изящная фигура его, и все витнѣе доносились до нея среди тихаго шопота уснувшихъ волнъ страстныя и въ то же время полная терпѣія и покорности слова: «А я въ каждую лунную ночь буду ждать васъ»...

Луна еще сильнѣй лла свой свѣтъ; теплый вѣтерокъ доносилъ все яснѣе нѣжныя слова мандолины съ рыбацкй пристани, а тамъ далеко, на морѣ, выдвигались все болѣе и болѣе на поверхность серебристыхъ волнъ — гигантскіе, таинственныя контуры скалистаго чудовища...

Женщина, окутанная темнымъ покровомъ ночнаго мрака, высунулась всѣмъ своимъ корпусомъ изъ окна и, казалось, долгла слухомъ какія то далекія слова, или быть можетъ, отдѣльныя, неясныя, почти неуловимыя звуки, но понятныя для нея, повевающіе своей силой, уничтожающіе своей мощью и властью... Громкимъ эхомъ звонихъ колоколовъ оглашались ошъ въ душѣ ея, зажигая огонь въ крови и помрачая мысли и сознаніе...

Вдругъ она выпрямилась, быстро подошла къ туалетному столу и, вся дрожа, лихорадочнымъ движеніемъ накинула на себя шляпку.

— Я ухажу, мама... — сказала она, обращаясь къ притворенной двери сосѣдней комнаты.

— Теперь, дити мое?... Въ такое позднее время? — удивленно переспросила старушка.

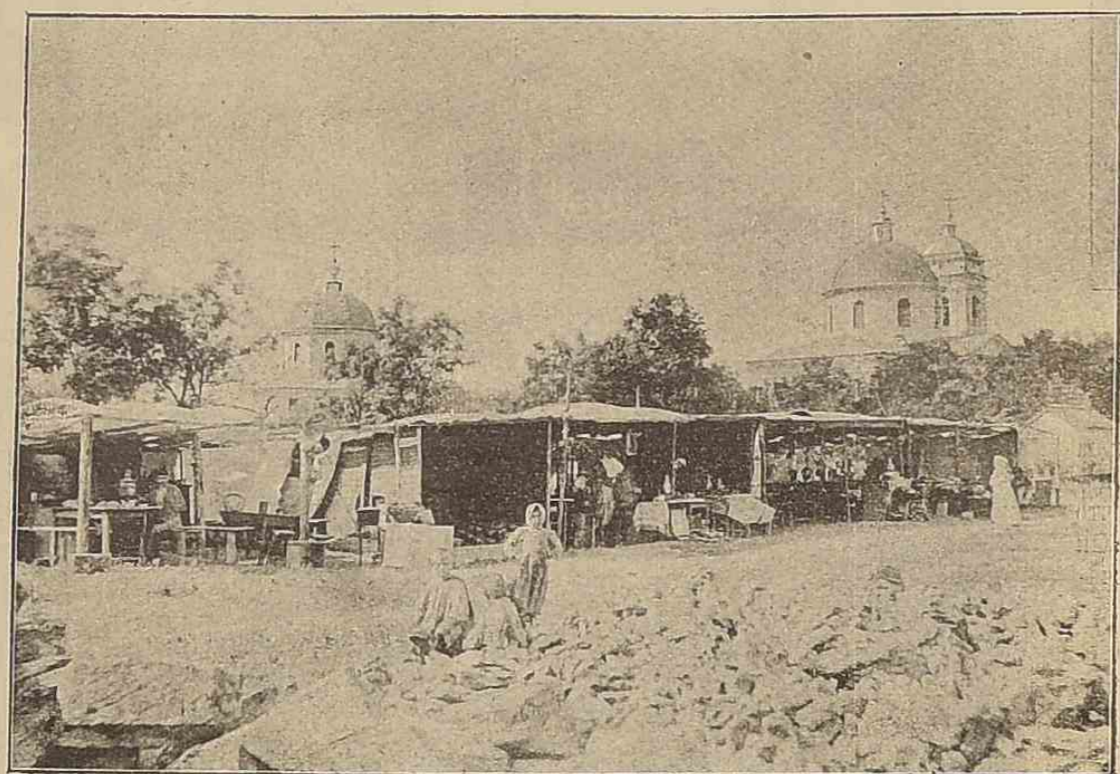
— Я иду къ гжѣ Миленъ... — отвѣчала та дрожащимъ голосомъ. — Она больна уже нѣсколько дней, и при ней нѣтъ никого... Я

должна навѣстить ее... Дверь тихо закрылась за уходившей. Черезъ открытое окно врвался въ комнату странно обаяющій, пропитанный морскими испареніями воздухъ, а таинственное чудовище въ сторону Велдмаи сверкало своими багровыми глазами и, казалось, широко раскрывало пасть, готовясь поглотить свою жертву...
Vae victis.

ПРОДѢЛКА МОЛОДОГО БИСМАРКА.

Въ шведской газетѣ „Göteborgspost“ одна старая шведская дама напечатала слѣдующее воспоминаніе: „когда я была еще очень молодою дѣвушкой, приблизительно 60 лѣтъ тому назадъ, мнѣ нужно было провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Римѣ. Я поѣхала туда въ сопровожденіи пожилой компаньонки и двухъ горничныхъ. Было рѣшено, что по дорогѣ я останусь на нѣкоторое время въ Берлинѣ. Сестра моего отца вышла замужъ за нѣмца, и сынъ ихъ, нѣмецкій кузень, какъ мы его называли между собой, посѣщалъ въ то время университетъ въ Берлинѣ; я его никогда не видала. Мой отецъ послалъ ему за нѣсколько дней до моего отъѣзда письмо, въ которомъ просилъ его позаботиться обо мнѣ. Я благополучно прибыла въ Берлинъ, и здѣсь меня очень любезно встрѣтилъ мой двоюродный братъ. Это былъ высокій юноша съ большими усами и живыми блестящими глазами. Въ продолженіе трехъ дней онъ былъ моимъ постояннымъ спутникомъ. Конечно, онъ не зналъ ни слова по-шведски, но зато свободно изъяснялся по-французски. Никогда еще у меня не было такого пріятнаго кавалера; я очень гордилась своимъ двоюроднымъ братомъ. Слишкомъ быстро настало время моего отъѣзда. „Кузенька, — сказала онъ мнѣ, когда я уже собралась уѣзжать, мнѣ надо сказать вамъ нѣсколько словъ. Видите-ли, кузенька, я — я хочу вамъ только сообщить, что я — не двоюродный братъ вашъ. Дѣло въ томъ, что мой другъ, — вашъ нѣмецкій кузень, настоящий, такъ занятъ пріготовленіями къ экзамену, что попросилъ меня въсто него исполнить просьбу вашего отца. Мое имя Отто фонъ-Бисмаркъ“...

„Прошли десятки лѣтъ. Бисмаркъ сдѣлался государственнымъ канцлеромъ и княземъ. Въ 1886 г. я снова пріѣхала въ Берлинъ, уже старухой, въ шедшей 40 лѣтъ тому назадъ замужъ. Я написала нѣсколько словъ на своей визитной карточкѣ и послала ее Бисмарку. Черезъ часъ я получила приглашеніе, отправилась во дворецъ канцлера и вскорѣ у пасть завязался самый оживленнй разговоръ. „Вамъ я обязанъ тѣмъ, — сказалъ онъ между прочимъ, — что мнѣ удалось посѣтить музеи; съ тѣхъ поръ мнѣ не пришлось болѣе тамъ побывать“.

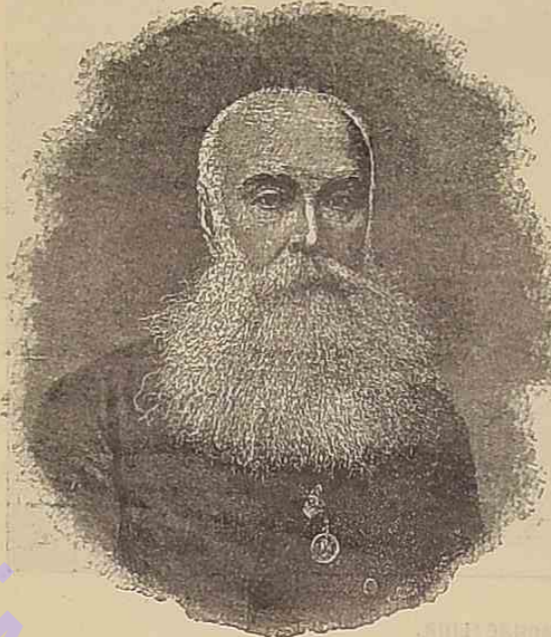
Временный базаръ на Б.-Фонтанѣ, близъ Успенскаго монастыря.

Графъ Ростовцевъ.

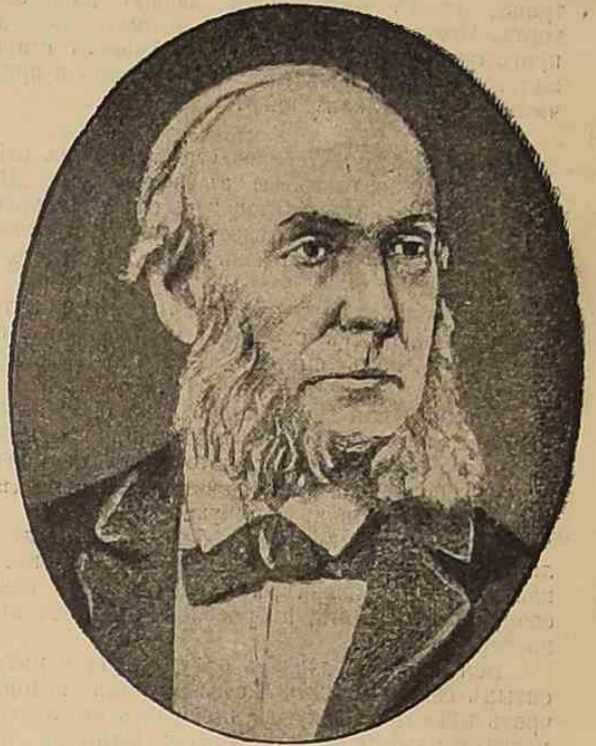
Н. А. Милютинъ.

С. Зарудный.
(Судебная реформа).

Гр. Д. А. Милютинъ.
(Военная реформа).

А. Д. Шумахеръ.
(Реформа городского самоуправления).

Гр. Н. С. Ланской.
(Первый министръ внутр. дѣлъ).

В. А. Жуковскій.
(Воспитатель Императора Александра II).

Гр. М. Т. Лорисъ Меликовъ.
(Послѣдній министръ внутр. дѣлъ).

Сподвижники Императора Александра II.

Разныя разности.

Какъ ѣдятъ при австрійскомъ дворѣ. Императорская придворная кухня въ Вѣнѣ, сообщаетъ „*Verliner Localanzeiger*“, находится подъ вѣдѣніемъ четырехъ главныхъ поваровъ, и у каждого изъ нихъ отъ 15 до 20 помощниковъ, мужчинъ и женщинъ. Кухня раздѣляется на три главныхъ отдѣленія: для императора, императрицы и для наследной принцессы Стефаніи. Ежедневно на столъ расходуются отъ 850 до 1000 марокъ (425—500 руб.) Большіе придворные обѣды обходятся около пяти тыс. мар. (2500 р.), и участвуютъ въ нихъ отъ 50 до 100 лицъ. Продолжаются такіе обѣды не болѣе часа.

Императоръ и императрица австрійскіе очень рѣдко обѣдаютъ вмѣстѣ; обыкновенно они ѣдятъ каждый на своей половинѣ. Императоръ ѣсть очень умеренно и предпочитаетъ простыя блюда. Въ 6 ч. утра онъ пьетъ холодное молоко, кофе и ѣсть свѣжее несоченный хлѣбъ. Между 12 и 1 час. ему подаютъ къ завтраку два простыя блюда. Обѣдъ происходитъ въ 4 ч. ѣсть онъ обыкновенно въ своей библиотекѣ или кабинетѣ. Очень рѣдко на столъ подается скатерть. Обыкновенно кушанья передъ нимъ ставятъ на подносахъ.

Императрицѣ подаютъ къ завтраку въ 9 ч. утра два блюда, свѣжіе плоды и чай съ печеніями. Между завтракомъ и обѣдомъ, въ 5 час., она ничего не ѣсть. Обѣдъ состоитъ изъ двухъ разныхъ суповъ, мяса, овощей и плодовъ. Императрица, кромѣ того, очень любитъ шоколадный тортъ. Ѣсть она шипучій коньякъ, специально приготовляемый для нея изъ лучшихъ старыхъ вишъ. Императоръ же рѣдко пьетъ вино и предпочитаетъ ему стаканъ пива.

Новый приборъ, чтобы не утонуть. Пользѣ вліяніемъ ужасной катастрофы съ пароходомъ „*Veurgogne*“ въ „*Revue Scientifique*“ описывается простое и въ высшей степени целесообразное приспособленіе, могущее спасти жизнь при несчастномъ случаѣ на водѣ.

Авторъ повторилъ со своими двумя дѣтьми, 12 и 9 лѣтъ, опытъ спасенія, который имъ былъ произведенъ надъ самимъ собою 25 лѣтъ тому назадъ.

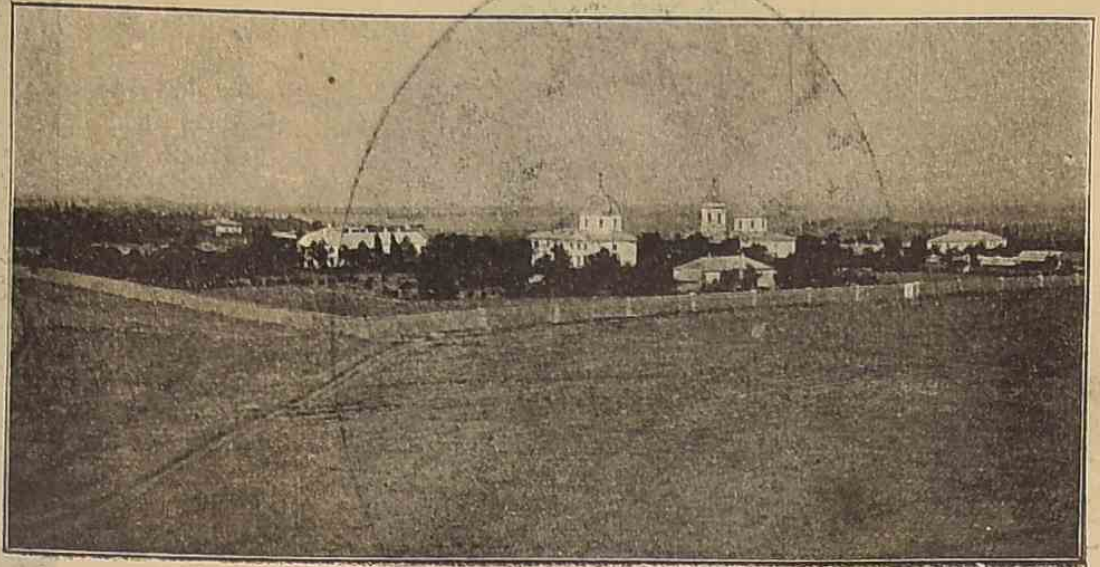
Каждому изъ двухъ дѣтей дана была вещьца, по формѣ и величинѣ не отличавшаяся отъ обыкновеннаго портъ-мона, въ которомъ были уложены: конецъ прочной бичевки и четыре пустые шара изъ хорошаго тонкаго каучука.

По данному сигналу, ребенокъ открылъ футляръ, надулъ каждый изъ четырехъ шаровъ, привязанныхъ къ бичевкѣ, которую обвязалъ вокругъ себя, какъ поясомъ, и бросился въ набѣгавшую на берегъ волну.

Вся операція длилась одну минуту и пять десятыхъ секунды. Дѣти исчезли подъ водой, но чрезъ нѣсколько секундъ появились въ нѣсколько метрахъ разстояніи отъ берега: шары не потеряли ни малѣйшаго поврежденія и дѣти, окрестивши руки на груди, превосходно плавали, какъ поплавки.

Шары большого калибра, вмѣщающіе до 12 литровъ воздуха продаются у насъ по пятаку за штуку. Чтобы приспособить шаръ для болѣе удобнаго наполненія его воздухомъ, слѣдуетъ вставить въ отверстіе шара деревянную трубочку и привязанную къ ней на тонкомъ шнурочкѣ пробочку или край изъ твердаго каучука. Шаръ наполняется 3—4 вдыханіями. Необходимо только соблюдать, чтобы шары не потерялись о что нибудь твердое, хотя бы даже о пуговицу на платьѣ. Весь приборъ состоитъ нѣсколько копѣекъ и укладывается въ маленькій футляръ, который слѣдуетъ держать всегда при переѣздахъ по водѣ подъ руками, напримеръ, на пуговицѣ пальто или пришитеннымъ на груди.

Венера Милосская. Рейнахъ, хранитель Сенъ-Жерменскаго музея, напечаталъ въ „*Chronique des arts*“ результаты своего новаго изслѣдованія о знаменитой статуѣ, известной подъ именемъ Венеры Милосской. Онъ старается доказать, что эта Афродита (Венера) Милосская, гордость и звѣзда луврскаго музея, вовсе не Венера, не богиня красоты, любви и граціи, но Амфитрита, супруга Посейдона, который выбралъ ее изъ перендѣ.

Видъ на Успенскій монастырь съ маяка Большого Фонтана.

Святая врата монастыря.

Маякъ на Большомъ Фонтанѣ.